

В шумном интернет-кафе стук клавиш и выкрики игроков сливались в сплошной хаотичный гул. Лишь Су Линь в своем углу словно пребывал в ином измерении, окутанном тишиной.

На экране перед ним водопадом мелькали цифры: количество просмотров трейлера к фильму Хроники Цзинюань перевалило за двадцать миллионов, а раздел комментариев был полностью погребен под словами потрясение, правда и ожидание.

В этот момент в правом нижнем углу экрана всплыл запрос на видеозвонок от контакта по имени Чжи И.

Су Линь надел наушники и принял вызов.

Яркое лицо Шэнь Чжи И выражало нескрываемое волнение, смешанное с нотками тревоги:

— Линь, ты видел статистику? Взрыв! Это полный взрыв! Но... есть дело поважнее.

Су Линь приподнял бровь, жестом предлагая ей продолжать. Его тонкие пальцы слегка постукивали по нагревшемуся корпусу ноутбука, словно отбивая ритм грядущей бури.

— Со мной связались люди из Синъяо Энтертейнмент, — Шэнь Чжи И глубоко вздохнула, понизив голос до шепота. — Они хотят выкупить все права на Хроники Цзинюань. Предлагают... сто миллионов.

Сто миллионов — сумма, способная вскружить голову любому начинающему автору. Однако выражение лица Су Линя не дрогнуло, а взгляд стал лишь холоднее.

Шэнь Чжи И поняла его молчание и поспешно добавила:

— Но у них есть странное, очень странное дополнительное условие! Они настаивают, чтобы именно ты, лично, удалил весь контент, связанный с Цзинюань, на всех платформах и опубликовал заявление с публичными извинениями, состоящее всего из одной фразы: Линь Вань обрела покой.

Су Линь вдруг усмехнулся. Улыбка была едва заметной, но в ней сквозила отравленная острота, от которой даже Шэнь Чжи И по ту сторону экрана стало не по себе.

— Обрела покой? — медленно повторил он, и в его глазах вспыхнула насмешка. — Они боятся не того, что правда всплывет наружу. Они боятся, что тот, кого они заперли... все еще жив.

Они боялись не документального фильма, а того, что он станет ключом. Ключом, способным отворить врата ада и выпустить на волю призрака, который должен был давно умереть. И этот призрак был их истинным кошмаром.

Су Линь пронзил взглядом экран, устремив глаза в пустоту. Его голос прозвучал спокойно и решительно:

— Чжи И, не бери их деньги. Они хотят откупиться от своих преступлений, но нам не нужна сделка. Нам нужен суд.

Он завершил звонок, провел пальцами над словами удалить и извиниться, после чего закрыл диалоговое окно.

Шум кафе снова ворвался в уши, но сквозь него он отчетливо услышал, как вдали задрожала огромная машина под названием Синъяо, издав первый треск под тяжестью собственного страха.

На следующий день, ближе к вечеру, тишину квартиры разорвал резкий звонок телефона. Незнакомый номер.

Су Линь ответил. В трубке послышался хриплый, до предела изможденный голос мужчины, будто каждое слово с трудом выдавливалось из поврежденных связок:

— Я внизу, у твоего дома.

Всего пять слов, но Су Линь сразу понял, кто это. Сяо Цзюэ.

Он подошел к окну и отодвинул край плотной шторы.

Внизу, у въезда в старый переулок, словно притаившийся черный зверь, замер Майбах, совершенно неуместный в этой убогой обстановке.

Сяо Цзюэ вышел из машины в одиночку. Его дорогой костюм ручной работы был безнадежно помят, галстук отсутствовал, воротник расстегнут, а безупречная прежде прическа выглядела растрепанной.

С ним не было охраны. На красивом лице, которое когда-то бесчисленное количество раз украшало обложки финансовых журналов, теперь залегли глубокие тени, а во взгляде читалось нескрываемое отчаяние.

Он простоял у дома целых десять минут, подобно статуе, лишенной души, лишь глядя вверх на ветхую многоэтажку.

Затем он медленно поднял руку, держа лист формата А4.

Это был скриншот статьи, которую Су Линь недавно опубликовал на своей странице: О независимости личности и клетке.

Сяо Цзюэ красным маркером жирно обвел каждое предложение о независимости личности. Сила, с которой он это делал, была такова, что Су Линь почти слышал, как кончик маркера рвет бумагу.

Это не был допрос. Это было безмолвное, запоздалое признание.

Су Линь с бесстрастным лицом отпустил шторы и вернулся к столу.

Он не спустился вниз и даже не открыл дверь.

Он просто достал из ящика миниатюрный диктофон и нажал кнопку записи. Обращаясь к устройству почти шепотом, он четко произнес:

— Когда охотник опускает ружье, это происходит не из-за внезапного милосердия. Просто ему потребовалось слишком много времени, чтобы наконец понять: он сам с самого начала был добычей, запертой в клетке.

Закончив, он нажал на клавишу, и запись в реальном времени была отправлена через заранее внедренный бэкдор точно в систему мониторинга общественного мнения Синъяо Энтертейнмент.

Здание Синъяо, кабинет президента на верхнем этаже.

— Господин Сяо! Беда! — Чэнь Янь ворвался в кабинет, едва не выбив дверь, его лицо было бледнее мела. — Наш внутренний канал прослушки... Су Линь только что транслирует его в прямом эфире!

Сяо Цзюэ, сидевший за рабочим столом, словно не слышал паники помощника. Он медленно откинулся на спинку глубокого кожаного кресла.

Он не смотрел на перепуганного ассистента, его взгляд был прикован к экрану собственного телефона. Там, на графике звуковой волны, продолжала пульсировать только что полученная запись, словно слабое, но упрямое сердце.

Голос Су Линя, казалось, преодолел физическое расстояние и зазвучал прямо у него в ушах.

Он... все это время наблюдал за мной?

Эта мысль, подобно удару грома, разорвала сознание Сяо Цзюэ.

Оказывается, пока он воображал себя охотником, контролирующим ситуацию, Су Линь уже стоял на ступень выше, холодно наблюдая за каждым его движением, видя насквозь его

метания, его боль, его борьбу.

К вечеру курьер доставил в студию Чжоу Ю документы, адресованные лично Су Линю.

Это был профессионально составленный договор о совместном производстве Хроник Цзинюань. В графе заказчика золотым тиснением значилось Синъяо Энтертейнмент, а графа исполнителя пустовала, ожидая его подписи.

Чжоу Ю, волнуясь, вместе с Су Линем долистала до последней страницы и обнаружила рукописное дополнение.

Почерк был неровным, яростным, почти прорывающим бумагу:

— Я готов поручиться всем своим имуществом и репутацией, задействовать все силы, чтобы помочь тебе найти следы настоящей Линь Вань. Условие лишь одно: прошу, перестань меня ненавидеть.

Подпись Сяо Цзюэ была вдавлена в бумагу так сильно, словно вырезана ножом.

У Чжоу Ю перехватило дыхание. Она инстинктивно вцепилась в руку Су Линя, ее голос дрожал:

— Линь... он что... он совсем сошел с ума?

Су Линь провел пальцами по грубому краю листа, чувствуя неровности подписи, его взгляд оставался холодным, как вода.

— Не сошел, — негромко ответил он. — Просто боль стала настолько невыносимой, что он наконец научился видеть людей.

Глубокой ночью на крыше одного из небоскребов гулял холодный ветер.

Су Линь стоял у края, разрывая бесценный контракт вместе с жалкими мольбами на мелкие клочки, и развеивал их над бесконечными огнями города.

Бумажные обрывки, словно стая бабочек, мгновенно растворились в море неоновых огней, не оставив и следа.

Он достал диктофон и в последний раз прослушал запись, сделанную днем: безмолвный кадр, на котором Сяо Цзюэ смотрел на него снизу вверх.

Затем он нажал кнопку удаления.

В этот момент в кармане завибрировал телефон. Платформа прислала системное уведомление: Хроники Цзинюань прошли регистрацию в ведомстве по делам печати и официально запущены в производство.

Это означало, что его меч получил официальное признание и теперь мог по праву висеть над головами всех преступников.

Су Линь поднял голову, глядя на здание Синъяо, символ власти и капитала.

В этот миг огни на верхнем этаже тихо погасли, растворяясь в глубоком мраке ночи.

Он обратился к этой темноте, произнося слова, словно зачитывая запоздалый приговор:

— Ты можешь встать передо мной на колени... но помни: это коленопреклонение не вернет прошлого. Оно лишь откроет тебе путь к еще более долгому искуплению.

Вдали тяжелые тучи разошлись, открыв узкую щель, и холодный лунный свет, подобно клинку, пролился вниз, осветив его темные глаза.

В них на мгновение мелькнуло не торжество мести и не радость победы, а нечто куда более сложное.

Это была жалость. К врагу, и к самому себе.

Ветер закружился на крыше, унося прочь последний клочок бумаги.

Пролог завершен. Пришло время по-настоящему обнажить меч.

<http://bllate.org/book/18752/1814631>